

29 АВГ 1962

«МОЛОДОЙ ЦЕЛИННИК»

г. Целиноград

Журнал №

К вопросу о советском

Джазе

Н ЕМАЛО ныне дискуссионно ведется вокруг легкой музыки и, в частности, джаза, у нас и за рубежом. Несомненно, джаз владеет большими возможностями воздействия на широкую аудиторию молодежи. Но, как мне кажется, джаз это не стандартизированная форма легкой музыки. Он, как и всякая музыка, может приобретать национальные черты. Наряду с тем, что существует немецкая, французская, итальянская симфоническая музыка, почему бы не существовать и джазу, имеющему свою национальную форму и содержание?

Утверждать, что американский джаз есть единственная форма этого искусства — то же самое, что утверждать, будто русская песня — единственная форма песенного искусства.

У нас гастролировал Бенни Гудман со своим оркестром. Мы дружески его встречали. Нам нравится мастерство исполнения и разнообразие аранжировок исполняемых произведений.

Американские газеты считают приезд Бенни Гудмана к нам «разрушением звукового барьера», якобы существующего между джазом и нашей страной. Концепция весьма забавная. В век радио, грампластинок, магнитофона создавать «звуковой барьер» вряд ли возможно. Надо сказать, что в зарубежной печати нередко появляются статьи, авторы которых пытаются осветить состояние джазовой музыки в СССР. Пишется много, но правды мало. Некоторые утверждения просто абсурдны. Так, например, в американском журнале «Стердэй ревью» в свое время появилась статья некоего Ричарда Хэнсера, где он в подкрепление своих доказательств «гонений» на джаз в СССР привлек высказывания... Платона. Да, да философа Платона, жившего почти 2400 лет тому назад. Платон, видите ли, сказал: «Наши старейшины должны сохранить в силе один закон, никогда его не упустить из виду и всегда хранить его с большей тщательностью, чем другие... Мы должны уберечь наше общество от опасности в виде новых течений в музыке;

потому что форма и ритмы в музыке никогда не изменяются без того, чтобы не произвести изменения в самых важных политических формах и путях».

Если бы подобная концепция соответствовала истине, то в США, где «форма и ритмы в музыке» джаза изменяются чуть ли не ежегодно, соответственно должны бы изменяться и политические формы и пути. Однако этого пока не наблюдается.

Никаких «гонений» на джаз в Советской стране нет.

А ВЕДЬ и в Америке тоже не все обожают джаз. И там есть противники этого музыкального жанра. Конечно, искусство Бенни Гудмана — не последнее слово в области американского джаза, к тому же истории американского джаза, расставляя вехи на пути развития джазовой музыки, обычно даже забывают о его роли в этом деле. Если проследить по американским источникам этот путь, то получится: от нью-орлеанского стиля, через стили Луи Армстронга, Дюка Эллингтона, Чарли Паркера, Дизи Гиллесли к стилю Омара Холмена. Можно назвать еще целый ряд не менее крупных музыкантов. Нельзя забывать также, что в развитии американского джаза негры сыграли не менее значительную роль, чем, скажем, в американском спорте.

Модерн! Модерн! Моде! Моде! — кричат многие любители джаза. Как будто разговор идет об искусстве, а о брюках — как их шить — с манжетами или без манжет.

Мне кажется, что нужно не уважать ни себя, ни искусство, которому служишь, чтобы с такой точки зрения смотреть на свое творчество. Конечно, никто не станет отрицать, что музыка тоже имеет язык. Этот язык может быть современный или несовременный. Гайдн, Бах, Глюк — не современный язык. Прокофьев, Стравинский, Шостакович — современный. И то и другое грандиозно. Но слово «мода» тут не причал.

Можно ли представить себе такой диалог?

— Я вчера слушал Девятую симфонию Бетховена. Это чудо, а не музыка.

— Да что бы? Это же абсолютно не модерн. Вот Прокофьев — это модерн.

В искусстве не бывает моды. Потому что искусство — вечность, а мода — мгновение.

Если американский джаз построен в большей мере на танцевальной музыке, то наш, советский, больше тяготеет к песне, и я назвал бы его «песенным». Основа его — наша советская песня. В этой области мы имеем значительные достижения. Задача, которую мы ставим перед собой, — не подражать. Самое страшное в искусстве — эпигонство.

Во многих странах джаз-оркестры подражают американскому джазу и иногда успешно. Но это всегда лишь — копия, а копия не может соперничать с оригиналом.

Мы часто обращаемся к помощи других видов искусства. Так, например, мы (я говорю о руководимом мною коллективе — Государственном оркестре РСФСР) ставим музыкальные пьесы, где музыканты играют не только свои партии, но и роли, как актеры. Это бываю и одноактные водевили («Музыкальные магазин»), и двухактные («Два корабля», «Царевна Несмеяна») и даже трехактные — («Темное пятно»).

Все это увлекательная работа, дающая большое творческое удовлетворение. Руководимый мною оркестр существует 33 года и когда-то в начале своего творческого пути так и назывался «Театрализованный джаз».

Война заставила нас переключиться на работу концертного плана, так как декорации, бутафория и реквизит лишали нас возможности быстрого передвижения для выступлений во фронтовых условиях. Но в послевоенные годы мы вернулись к театрализованному музыкальному формам в нашем оркестре.

Жаль, что Бенни Гудман и его коллеги будучи в Советском Союзе не нашли времени посмотреть и послушать хотя бы один из наших эстрадных оркестров, а таковых у нас немало.

Леонид УТЕСОВ,
народный артист РСФСР